

Селеменова Ольга Александровна

ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XX ВЕКА

В статье автор показывает истоки формирования одного из базовых понятий лингвокогнитологии и лингвокультурологии - языковая картина мира. Акцентируется внимание на работах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа и др.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2012/1/36.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 1 (12). С. 130-134. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2012/1/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Далее по частотности употребления следует тактика нейтрализации фрагмента прошлого посредством его обобщающей, иллюстративной теоретизации - 18,39%, незначительно уступающая предыдущей тактике. Относительная эффективность данной тактики базируется на применяемой продуцентом текста апелляции к человеческой природе как факту, действие которого объединяет и объясняет все исторические события. Такая посылка понятна всем типам адресата и воспринимается ими как обоснованная и достоверная. Конкретное событие при этом превращается в иллюстрацию. Одинаково релевантными являются тактика снижения значимости фрагмента прошлого посредством его классифицирования (11,49%) и тактика нейтрализации фрагмента прошлого посредством метаисторической рефлексии (13,79%), поскольку в основе обеих тактик лежит один и тот же принцип человеческого мышления, а именно, склонность к обобщению и подведению частных случаев под общий. Тактика нейтрализации фрагмента прошлого посредством его дереализирующей анонимизации (3,45%) наименее продуктивна, что связано с деструктивным характером предъявляемой при этом адресату фаталистической позиции по отношению к прошлому как случайному и неподвластному человеку.

Список литературы

1. **Berliner Tageblatt**: Abend-Ausgabe. 1961. 02.03.
2. **Berliner Zeitung**. 1994. 09.05.
3. **Die Zeit**. 1946. 14.03.
4. **Die Zeit**. 1996. 02.08.
5. **Die Zeit**. 2004. 15.04.
6. **Die Zeit**. 2009. 24.06.
7. **Jahresberichte für deutsche Geschichte**. Leipzig, 1938-1940. XXII.

ALIENATING PRESENTATION OF THE PAST FRAGMENTS IN THE TEXTS OF GERMAN MASS-MEDIA

Larisa Nikolaevna Rebrina, Ph. D. in Philology
Department of German Philology
Institute of Philology and Intercultural Communication
Volgograd State University
Reblora@mail.ru

The author researches the strategic-tactic realization of the presentation and transmission of the past transformed image, namely its alienating neutralized presentation to mass addressee.

Key words and phrases: manipulation; tactics; lexical units; semantics; addresser; addressee.

УДК 81-119

В статье автор показывает истоки формирования одного из базовых понятий лингвокогнитологии и лингвокультурологии - языковая картина мира. Акцентируется внимание на работах В. Гумбольдта, А. А. Потебни, Л. Вайсгербера, Э. Сепира, Б. Уорфа и др.

Ключевые слова и фразы: язык; мышление; универсально-объективный аспект языка; субъективно-национальный аспект языка; языковая картина мира.

Ольга Александровна Селеменова, к. филол. н.
Кафедра современного русского языка и методики его преподавания
Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина
selemeneva1@rambler.ru

**ФОРМИРОВАНИЕ КОНЦЕПЦИИ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА В РАБОТАХ
ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ЛИНГВИСТОВ КОНЦА XVIII - НАЧАЛА XX ВЕКА ©**

В современных исследованиях по гуманитарным проблемам часто в терминологическом и метафорическом значении встречается словосочетание «картина мира». В терминологическом смысле *картина мира* уже стала одной из основных категорий лингвистики, культурологии, истории, философии, неким фундаментальным понятием, описывающим человеческое бытие [12, с. 60]. Для литературоведов, говорящих о *картине мира* отдельного авторского произведения или всего творчества прозаика или поэта в целом, это сочетание слов обладает в большей мере метафоричностью, чем терминологической определённостью. В метафорическом осмыслении использовали данное понятие и естествоиспытатели (Г. Герц, М. Планк, А. Эйнштейн), включая в него целостность восприятия и понимания мира субъектом [4]. Даже само авторство

термина *картина мира* приписывается физику Г. Герцу, а его экстраполирование в область гуманитарных наук - австрийскому философу Л. Витгенштейну [13, с. 24].

Понятие картины мира строится «на изучении представлений человека о мире» [12, с. 62]. Если мир - это «человек и среда в их взаимодействии» [Там же], то картина мира - «результат переработки информации о среде и человеке» [23, с. 5].

Все актуальные *лингвистические* интерпретации картины мира опираются на достижения прежде всего немецкого языкознания XIX-XX веков и, в частности, работы Карла Вильгельма Фрейгера фон Гумбольдта. В европейской традиции теоретического языкознания В. Гумбольдт является основоположником философии языка. Подробный методологический анализ его лингвофилософской концепции с разных точек зрения - типологической, синхронической, ономазиологической – уже осуществлялся в лингвистической литературе [3; 7; 9; 17; 20]. Мы остановимся только на тех идеях В. Гумбольдта, которые стали предтечей разрабатываемой лингвистами XX–XXI веков целостной концепции картины мира.

В своей лингвофилософской концепции В. Гумбольдт относил язык к числу явлений, по которым познаётся характер народа: образ мыслей народа, философия, наука - всё находит отражение в языке. Посредством звуков речи духовная, глубоко внутренняя и проходящая бесследно умственная деятельность «материализуется и становится доступной для чувственного восприятия» [6, с. 96]. Язык, по мнению учёного, есть не продукт деятельности, а сама «беспрерывная деятельность духа» народа, стремящаяся «превратить звук в выражение мысли» [Там же, с. 87-88, 91].

Характер языка у В. Гумбольдта складывался из внешней и внутренней форм, иными словами, звуковой и смысловой. Внимание исследователя было приковано к *внутренней форме языка*, как раз и интерпретируемой как *мировидение, заключённое в языке*. Ведь всякий язык образует «целое некое мировидения», содержит в себе «выражение всех представлений, которые нация составляет себе о мире», и «всех ощущений, которые мир вызывает в ней» [7, с. 27].

Таким образом, язык отображает мир с той точки зрения, с которой смотрел на него народ, создавший данный язык.

В любом языке представлены два аспекта: *универсально-объективный*, связанный с отражением в нём объективной реальности, и *субъективно-национальный* (или *идиотнический*), отражающий не реальный мир, а точку зрения на него со стороны носителей конкретного языка. Идиотнический аспект и позволил В. Гумбольдту говорить о языке как *мировидении*, некоем *промежуточном мире*, расположенном посередине между являющимся людям внешним миром и миром, действующим в них [17, с. 100].

Переход от одного языка к другому представляется учёным как смена одного мировоззрения на другое: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, откуда человеку дано выйти лишь постольку, поскольку он тут же вступает в круг другого языка. Освоение иностранного языка можно было бы уподобить завоеванию новой позиции в прежнем видении мира» [5, с. 80].

Внутренняя форма языка складывалась у исследователя из внутренних форм входящих в него слово- и фразообразовательных единиц с акцентуацией ведущей роли первых как неких «источников языкового мировидения» [7, с. 28].

Идиотнический взгляд В. Гумбольдта на содержательную сторону языка, сумевшего увидеть в каждом языке носителя особого мировидения, позволил предвосхитить концепцию *языковой картины мира* неогумбольдтианцев XX века. Более того, по справедливому замечанию О. А. Радченко, именно «открытие феномена картины мира в различном его терминологическом оформлении стало основным теоретическим достижением Гумбольдта, позволяющим отнести его к отцам современной философии языка» [17, с. 97].

О связи мировидения и языка размышляли и другие немецкие философы и филологи: Иоганн Готфрид Гердер, обусловивший язык, искусство и поэзию как выражение сознания народа и характера национальной культурой данного народа; Хейман Штейнталь, видевший в этимологии особую ценность для раскрытия принципов первичной номинации у конкретного языкового коллектива; Вильгельм Макс Вундт, интересовавшийся взаимоотношением психологии и языкознания; Франц Николаус Финк, акцентирующий взаимосвязь языковых категорий и черт характера представителей лингвокультурного сообщества; Карл Фосслер, определявший язык как медиум культуры, и некоторые др. [4; 10; 11].

Однако наиболее последовательно теорию В. Гумбольдта разработал представитель Харьковской лингвистической школы - Александр Афанасьевич Потембин. Этот лингвист интуитивно уловленную В. Гумбольдтом проблему существования «внутренней формы» национального языка, «народного духа» перевёл в плоскость взаимосвязи языка и мысли и интерпретировал с позиции культурно-генетического эволюционизма: «Известно, что истина, добытая трудом многих поколений, потом легко даётся даже детям, в чём и состоит сущность прогресса; но менее известно, что этим прогрессом человек обязан языку. Язык есть потому же условие прогресса народов, почему он орган мысли отдельного лица. Легко увериться, что широкое основание деятельности потомков, приготавливаемое предками, - не в наследственности и физиологических расположениях тела и не в вещественных памятниках прежней жизни. Без слова человек остался бы дикарём...» [14, с. 182-183].

Если дух у А. А. Потембина - сознательная умственная деятельность, предполагающая понятия, образующиеся посредством слов, следствием чего является невозможность существования духа без языка, потому что дух «образуется при помощи языка, и язык в нём есть первое по времени событие» [Там же, с. 37], то язык - средство объективации мысли: слово даёт сознание существования мысли не только в говорящем, но

и в понимающем [15, с. 398-399]. Закрепляя за словом статус «известной формы мысли», «застеклённой рамки», определяющей круг наблюдений и определённым образом окрашивающей наблюдаемое, А. А. Потебня использует характерный для идеи идиоэтничности языка образ *преломления мира* через *очки* конкретного гносеологического феномена - *языка* [Там же, с. 399], не раз потом тиражируемый неогумбольдтианцами, и в особенности Л. Вайсгербером.

Унаследовав от В. Гумбольдта идиоэтизм, А. А. Потебня стал критиковать универсализм в языкознании: «Если бы языки были только средствами обозначения мысли уже готовой, образовавшейся помимо их, как действительно думали в прошлом, отчасти и в нынешнем веке, то из различия по отношению к мысли можно было бы сравнить с различиями почерков и шрифтов одной и той же азбуки... При таком положении дела было бы вероятнее, что скоро распространилось бы убеждение, что разница между языками лишь внешняя и несущественная, что привязанность к своему языку лишь дело привычки, лишённой глубоких оснований, то люди стали бы менять языки с такой же лёгкостью, как меняют платье» [16, с. 165-166].

Некоторым образом напоминает гумбольдтианские воззрения вывод о взаимосвязи языка и народного духа, сделанный филологом, переводчиком, поэтом, критиком Степаном Петровичем Шевырёвым: «Язык есть невидимый образ всего народа, его физиономия. У нас довольно изучали грамматику языка и словарь его; но почти нисколько не обратили внимания на то, как в русском языке выражается дух и характер русского народа» [25, с. 3]. Пытаясь найти соответствия между грамматико-лексическими особенностями и этническим характером, С. П. Шевырёв приходит к «патриархально-прямолинейным выводам», крайне романтизируя языковую психологию русского народа [20, с. 80]: «русский народ договора не любит» (основание - отсутствие в русском языке разнообразия форм сослагательного наклонения) или «то свойство русского народа, по которому он сокращает иногда века в десятки лет, годы в месяцы и дни в мгновения, ленится и растягивает время своё, не дорожа им, а потом пробуждается вдруг и действует» (основание - виды глагола) [25, с. 6-7].

Взгляд на родной язык как особенную характеристику человека [20, с. 81] находим и в работах Ивана Александровича Бодуэна де Куртенэ, который ещё в 1904 году в статье «Язык» для словаря «Брокгауз и Эфрон» отметил, что «язык может означать племя, народ, нацию, даже землю, населённую однородным племенем с одинаковою везде речью» [1, с. 530] и далее - язык, прежде всего, «существует только в индивидуальных мозгах, только душах, только в психике индивидов или особей, составляющее данное языковое сообщество», а «язык племенной и национальный является чистою отвлечённостью, обобщающей конструкцией, созданной из целого ряда реально существующих индивидуальных языков» [Там же, с. 531]. Высказывая несогласие с идеей В. Гумбольдта о неразрывной связи языка и мышления, лингвист, однако, поддерживает его тезис о «своеобразном мировоззрении» каждого языка: «...Язык в самом обширном смысле является универсальным рефлексом духа на раздражения и возбуждения со стороны мира. Во всяком случае, основа существования языка - объективно психическая, как и основа других проявлений, составляющих предмет исследования психологических наук (обычай, нравы, обряды, законы, государство, религия, искусство, литература, наука и т.д.)» [Там же, с. 532].

В начале XX века проспекции идей В. Гумбольдта обнаруживаются в работах неогумбольдтианцев в Германии (20-40-е годы: Л. Вайсгербер, Й. Трир, В. Порциг, Г. Ипсен, Х. Гюнтерт, Ф. Штро, Г. Шмидт-Рор, Х. Бринкман и др.; 50-е годы: Х. Гиппер, О. Бухман, Й. Кноблех и др.), в США (Э. Сепир, Б. Уорф) и исследованиях европейских учёных-философов (Э. Кассирер, Х. Юнкер, А. Фиркандт), объединённых общим пониманием гносеологической миссии языка. Вообще *неогумбольдтианством* терминологически называют «лингвофилософское направление в языкознании Германии, возникшее в начале 20-х годов XX столетия и ставившее перед собой задачу возрождения научного интереса к духовному наследию В. Гумбольдта, в особенности - к его пониманию конкретного языка как уникального пути познания мира, которым следует владеющее данным языком языковое сообщество» [20, с. 5], однако с учётом протекания «гумбольдтианского ренессанса» [19, с. 141] не только в Германии, но и США, в лингвистике стали говорить о двух ветвях неогумбольдтианства - немецкой и американской [24]. В формировании концепции картины мира определённую роль сыграли работы «главных фигур» немецкой и американской ветви неогумбольдтианства - Йоханна Лео Вайсгербера, Эдварда Сепира и Бенджамина Ли Уорфа.

Л. Вайсгербер - самый «ортодоксальный ученик В. Гумбольдта» [7, с. 90], как отмечают исследователи, не задавался целью создать новое философское учение, он последовательно развивал идею идиоэтничности языкового содержания, заимствованную из работ В. Гумбольдта о внутренней форме языка [7; 8; 17-20]. Его интерес к этому учению возник под влиянием работы Э. Кассирера «Философия символических форм», распространившим гумбольдтовское учение о внутренней форме языка, наполненное мировоззренческим и идиоэтническим содержанием, на религию и искусство того или иного народа. Задав направление на поиск путей к освобождению человека от мировидения, поначалу навязываемого ему родным языком, признав наднациональный характер науки и доминирование в научной картине мира универсализма, философ-гносеолог смог избежать неогумбольдтианской гипертрофии в отношении влияния родного языка на процесс познания [7, с. 93-94].

Л. Вайсгербер не пошёл по пути Э. Кассирера, хотя в молодые годы испытывал с его стороны сильное влияние. Он построил свою теорию языковой картины мира полностью на идее этничности языкового содержания.

Родной язык выступал у Л. Вайсгербера как «основа существования всякого народного сообщества, как та нить, что связует теперешних носителей языка между собой и с будущим и прошлыми поколениями» [18, с. 111]. Язык «сообразно своей внутренней формой передаёт всем своим носителям общее мировидение,

которое во многом отличается от мировидения других языков» [2, с. 120]. Это национальное «мировидение» в программной монографии Л. Вайсгербера «Родной язык и формирование духа» (1929) было терминологически «картиной мира» [Там же]. Термин «картина мира» (Weltbild) в работах Л. Вайсгербера неоднократно переосмыслился, эволюционировал в направлении от указания на объективно-универсальную основу языковой картины, имеющей источником внешний мир (30-е годы) к подчёркиванию её мировоззренческой, субъективно-наднациональной, идиоэтнической стороны, проистекающей из факта существования в каждом языке той точки зрения, с которой смотрит на него народ, создавший этот язык (50-е годы) [7, с. 96]. Оставляя в тени объективный фактор формирования языковой картины мира - внешний мир, Л. Вайсгербер превращает язык в демиурга, создающего этот мир.

Решая вопрос о соотношении научной и языковой картины мира, Л. Вайсгербер не дойдёт до их отождествления, как это сделает американский исследователь Б. Уорф, однако он будет настойчиво искать пути их сближения через развенчание «предубеждения» о свободе науки от идиоэтноцизма и полного господства универсализма. И если Б. Уорф поставит науку в полное подчинение языку, то Л. Вайсгербер признает подчинение науки языку только в тех случаях, где научная картина отстаёт от языковой [Там же, с. 99].

В своей концепции языковой картины мира Л. Вайсгербер допускал лишь относительную свободу человеческого сознания от языковой картины мира, свободы в её же рамках, делающей нас индивидуальностями, личностями, но личностями всё же ограниченными национальной спецификой языковой картины мира: «Каждый человек располагает известной возможностью для манёвра в процессе усвоения и применения его родного языка и... он вполне способен сохранять своеобразие своей личности в этом отношении» [Цит. по: Там же, с. 100]. В этом вопросе Л. Вайсгербер, подобно Э. Сепиру, с трудами которого был знаком, мог сказать, что люди, говорящие на разных языках, живут в разных мирах, а вовсе не в одном и том же мире, на который навешаны лишь разные языковые ярлыки [21, с. 261].

Связующим звеном между немецкой и американской ветвями неогумбольдтианства [20, с. 99-100] стала научная деятельность Ф. Боаса - основателя американистики, науки о культуре коренных народов Америки, - и его первого ученика - Э. Сепира, которому Ф. Боас привил любовь к немецкой философии языка и экспедиционно-полевой работе, ставшие в своё время теоретической и практической предпосылками его лингвистической концепции.

Теоретической основой гипотезы относительности Э. Сепира стало учение В. фон Гумбольдта о внутренней форме языка, хотя её автор в своих работах «нарочито избегал» всяких упоминаний о немецком учёном [7, с. 72]. Универсалистский и идиоэтнический аспекты гумбольдтовского учения первоначально фигурировали и «уживались» в работах американского мыслителя. Более того, у раннего Э. Сепира преобладал универсализм. Так, в своём фундаментальном труде «Язык» (1921) он писал: «Внутренне содержание всех языков одно и то же - интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности...» [21, с. 193].

Как отмечает В. П. Даниленко, «апофеозом универсализма» звучат слова Э. Сепира о смиренном следовании языку за мышлением [Там же, с. 36], поскольку весь пафос гипотезы лингвистической относительности и «состоит в указании на активнейшую роль языка по отношению к мышлению» [7, с. 73].

В статьях 20-х годов - «Грамматист и его язык» (1924), «Статус лингвистики как науки» (1929) и «Концептуальные категории в примитивных языках» (1931) - американский лингвист расставит акценты по-иному, отдав предпочтение субъективному, идиоэтническому фактору формирования лексического состава языка перед объективным, универсалистским. Тем самым он сделает первый шаг к гипотезе лингвистической относительности. Вторым же этапом станет утверждение о том, что язык способен направлять мышление его носителей по руслу, predetermined world view, заключённым в их языке. Так, в статье «Статус лингвистики как науки» «родится» первая формулировка гипотезы лингвистической относительности: «Мы видим, слышим и вообще воспринимаем мир именно так, а не иначе, главным образом благодаря тому, что наш выбор при его интерпретации предопределяется языковыми привычками нашего общества» [21, с. 261].

Предложенная Э. Сепиром концепция языка к концу 20-х годов стала популярной в США, но на роль определяющей для всей лингвистической парадигмы претендовать не смогла. Это место уже было занято дескриптивной лингвистикой Л. Блумфильда. Не создав свою научную школу, Э. Сепир всё же имел учеников и последователей, самым известным из которых был Б. Уорф. Непрофессиональный лингвист, закончивший Массачусетский технологический университет, опираясь на учение Э. Сепира и собственные наблюдения, дал вторую формулировку гипотезы лингвистической относительности, которую в дальнейшем стали называть гипотезой Сепира-Уорфа: «Мы расчлняем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком» [22, с. 174].

Главным «детисцем» авторов теории лингвистической относительности стало понятие *языковой картины мира*. Если в работах Э. Сепира оно только вырисовывалось: «Языки являются по существу культурными хранилищами обширных и самодостаточных сетей психических процессов» [21, с. 255], то Б. Уорф непосредственно работал над классификационной стороной языковой картины мира. Сопоставив её с научной картиной мира, он пришёл к следующим выводам: обе картины имеют дело с моделированием мира, системой его анализа [22, с. 190], но научная картина мира - продукт деятельности учёных, а языковая - рядовых носителей языка, соответственно первая отражает научное сознание, а вторая - обыденное. По сравнению с научными картинами мира, языковые старше, информационно богаче и плюралистичнее.

В. П. Даниленко справедливо отмечает, что «указанные черты языковых картин мира привели Б. Уорфа к неоправданному выводу о том, что языковые картины мира, а не объективная действительность должна стать

основным источником научных знаний» [7, с. 77]. Ведь познавательная деятельность осуществляется не только с помощью языка, но и в абстракции от языковых форм. Языковые картины мира выполняют лишь вспомогательную роль по отношению к науке. Отражая обыденное знание, они не выступают главным источником научных знаний, в качестве которого необходимо видеть только объективную действительность.

Указывая на ошибочное преувеличение немецкими и американскими неогумбольдтианцами роли языка в познании и для науки, мы не можем не признать глубину тонко разработанной концепции языковой картины мира Л. Вайсгербера и теории лингвистической относительности Сепира-Уорфа, имевших «рациональное зерно» [Там же, с. 75], состоявшее в указании влияния языка на познавательную деятельность и несомненной ценности разработки понятия «картина мира», ставшей объектом изучения ряда наук.

Список литературы

1. Бодуэн де Куртэнэ И. А. Язык и языки // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб.: Типография АО «Брокгауз и Эфрон», 1904. Т. XLI. С. 529-548.
2. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа. Изд-е 3-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 232 с.
3. Гехтляр С. Я. Вильгельм фон Гумбольдт: путь лингвистической концепции сквозь века: к построению и содержанию университетского курса лекций по истории и теории языкознания // Проблемы русского и общего языкознания: межвузовский сборник научных трудов, посвященный Году русского языка. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2008. Вып. 6. С. 11-22.
4. Гришаева Л. И., Попова М. К. Картина мира как проблема гуманитарных наук // Картина мира и способы её репрезентации: научные доклады конференции «Национальные картины мира: язык, литература, культура, образование» / ред. Л. И. Гришаева, М. К. Попова. Воронеж: ВГУ, 2003. С. 13-38.
5. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 1984. 397 с.
6. Гумбольдт В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода: извлечения // Звегинцев В. А. История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. М.: Просвещение, 1964. Ч. 1. С. 85-105.
7. Даниленко В. П. Вильгельм фон Гумбольдт и неогумбольдтианство. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 216 с.
8. Даниленко В. П. Действенность языковой картины мира в концепции Л. Вайсгербера // Вестник ИГЛУ. Проблемы речевого воздействия и языковой аргументации. Серия «Лингвистика-2». Иркутск, 2003. Вып. 2. С. 27-34.
9. Даниленко В. П. Универсализм и идиоэтизм в концепции В. Гумбольдта // Вестник ИГЛУ. Язык. Сознание. Этнос. Культура. Серия «Психолингвистика». Иркутск, 2002. Вып. 5. С. 13-18.
10. Демьяненко М. А. Концепция языка Франца Николауса Финка (1867–1910) // Вестник СамГУ. 2006. № 5/1 (45). С. 191-197.
11. Жирмунский В. М. Жизнь и творчество Гердера // Гердер И. Г. Трактат о происхождении языка. Изд-е 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2007. С. 7-132.
12. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта; Наука, 2008. 296 с.
13. Пименова М. В., Кондратьева О. Н. Введение в концептуальные исследования: учеб. пособие. Изд-е 2-е, испр. и доп. Кемерово: КемГУ, 2009. 160 с.
14. Потехня А. А. Мысль и язык. 4-е изд. Одесса: Гос. изд-во Украины, 1922. 185 с.
15. Потехня А. А. Мышление поэтическое и мифическое // Из записок по теории словесности. Харьков, 1905. С. 397-407.
16. Потехня А. А. Язык и народность // Там же. С. 159-198.
17. Радченко О. А. Лингвофилософские опыты В. фон Гумбольдта и постгумбольдтианство // Вопросы языкознания. 2001. № 3. С. 96-125.
18. Радченко О. А. Лингвофилософский неоромантизм Й. Л. Вайсгербера // Вопросы языкознания. 1993. № 2. С. 107-114.
19. Радченко О. А. Понятие языковой картины мира в немецкой философии языка XX века // Вопросы языкознания. 2002. № 6. С. 140-160.
20. Радченко О. А. Язык как мирозерцание: лингвофилософская концепция неогумбольдтианства. Изд-е 3-е, стереотипное. М.: КомКнига, 2006. 312 с.
21. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. М.: Прогресс; Изд. группа «Универс», 1993. 654 с.
22. Уорф Б. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика // Новое в лингвистике. М., 1960. Вып. 1. С. 135-198.
23. Цивьян Т. В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
24. Чесноков П. В. Неогумбольдтианство // Философские основы зарубежных направлений в языкознании / под ред. В. З. Панфилова. М.: Наука, 1977. С. 7-63.
25. Шевырëв С. П. Вступление: русский язык - выражение духа и характера русского народа. Три периода развития Русского слова // Сборник отделения Русского языка и словесности Императорской Академии Наук. СПб., 1884. № 5. С. 1-19.

LANGUAGE WORLD PICTURE CONCEPTION FORMATION IN THE WORKS OF THE NATIVE AND FOREIGN LINGUISTS OF THE END OF THE XVIIITH - THE BEGINNING OF THE XXTH CENTURY

Ol'ga Aleksandrovna Selemeneva, Ph. D. in Philology
Department of Modern Russian Language and Its Teaching Technique
Elets State University named after I. A. Bunin
selemeneva1@rambler.ru

The author shows the sources of the formation of one of the basic notions of linguo-cognitology and linguo-culturology - language world picture - and pays special attention to the works of W. Humboldt, A. A. Potebnya, L. Weisgerber, E. Sapir, B. Whorf and others.

Key words and phrases: language; thinking; universal-objective aspect of language; subjective-national aspect of language; language world picture.